

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.86.90.053

Родительская власть и ответственность за родительские преступления в отечественном уголовном праве в период с язычества до начала XVIII в.

Еловицова Юлия Сергеевна

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Московский, 15;
e-mail: Yulia_Elovikova@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются формы и способы реализации родительской власти, а также законодательство об уголовной ответственности родителей за посягательства на интересы детей, начиная с язычества и до начала становления Российской империи (XVIII в.). Изучение данного вопроса представляется актуальным, так как для понимания истоков зарождения общественно опасного деяния, раскрытия его признаков, определения эффективности мер уголовно-правового регулирования его следует изучать в историческом аспекте. Данный вопрос затрагивался в трудах А.А. Алексеевой, А.М. Нечаевой, Л.Ю. Голышевой и других исследователей. Однако в указанных работах, на наш взгляд, не раскрыт вопрос о формах и способах реализации родительской власти во взаимосвязи с вопросом об ответственности родителей за преступные посягательства на интересы детей. В ходе исследования выявлены особенности правового регулирования ответственности родителей за преступные деяния в отношении детей. В результате исследования автор приходит к выводу, что к началу XVIII в. права и интересы детей не были в достаточной степени обеспечены правовыми средствами охраны со стороны государства. Отсутствовали нормы, определяющие пределы реализации родительской власти и направленные на защиту детей от преступных посягательств со стороны родителей. При написании статьи использованы историко-правовой, сравнительный, диалектический методы исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Еловицова Ю.С. Родительская власть и ответственность за родительские преступления в отечественном уголовном праве в период с язычества до начала XVIII в. // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 500-517. DOI: 10.34670/AR.2024.86.90.053

Ключевые слова

Родители, дети, родительская власть, телесные наказания, ответственность родителей.

Введение

Во времена язычества, до принятия христианства и становления Киевской Руси (до X в.) отношения между родителями и детьми регулировались нормами обычного права, а вопросы охраны несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны родителей осуществлялись в соответствии с обычаями и традициями.

Летописец Нестор в «Повести временных лет» упоминает, что восточнославянские племена, существовавшие в VII–VIII вв., каждый имели свои обычаи и законы. Поляне имели обычай «отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед матерями, древляне жили по-скотски: убивали друг друга, браков у них не бывало, а радимичи, вятичи и северяне срамословили при отцах и при снохах не знали закона Божьего, сами себе устанавливающие закон» [Повесть временных лет, www].

Основная часть

В языческой семье дети находились в полной власти родителей (отца, матери) или общины. В некоторых случаях родительская власть могла принадлежать лицу, которое в результате усыновления приняло на себя обязательство воспитывать чужого ребенка. Хотя К.А. Неволин отрицал фактическое существование института усыновления в дохристианский период [Неволин, 1857, 377]. Есть основание полагать, что источником родительской власти мог быть также обычай левирата, по которому вдова обязана была после смерти мужа вступить в брак с его ближайшими родственниками – братьями мужа. В «Повести временных лет» упоминается, что в 986 г. князь Владимир Святославич после смерти брата Ярополка женился на его беременной вдове Юлии.

Для Древней Руси во времена язычества и раннего христианства характерно было многоженство. Письменные источники свидетельствуют, что простые люди могли иметь до трех жен, князья – большее количество. Мужчины, состоя в браке и имея законных детей от своих жен, могли сожительствовать с рабынями-наложницами и иметь от них детей. При этом дети, рожденные вне брака, также считались законными. Князь Владимир, рожденный от наложницы Малуши, занимал новгородский, а потом киевский престол. Князь Мстислав, также рожденный от наложницы, занимал владимирский престол.

В языческий период власть родителей над детьми не имела границ. Родителям принадлежало право на жизнь и смерть своих детей. Умышленное детоубийство (инфантицид) не являлось преступлением и было достаточно распространено. Мотивы убийства были различны: физическая неполноценность ребенка, контроль рождаемости, языческие верования, значимые события в жизни восточных славян. Особенно часто инфантицид применялся в период стихийных бедствий (голод, эпидемии, военные конфликты).

В многочисленных семьях мать могла убить новорожденную дочь, размозжив головку об камень [Карамзин, 1989, 65] или утопив ребенка в воде [Владимирский-Буданов, 2005, 36]. Для прекращения дождей зарывали ребенка в землю, для борьбы с засухой бросали в воду [Русанова, Тимошук, 2024], для удачных военных походов приносили в жертву богу войны. Дети считались более ценной жертвой, чем взрослые.

Единой точки зрения по поводу наличия у восточных славян обычая детского жертвоприношения нет. Одни ученые (Б.А. Рыбаков) [Рыбаков, 1987, 145] полагают возможным такие обычаи, другие – подвергают сомнению (А.И. Загоровский) [Загоровский, 1909, 266] или

считают выдуманными (А.К. Кузьмин) [Кузьмин, 2004, 227], третьи полагают, что это было редким, исключительным явлением (В.М. Живов) [Живов, 2009, 380].

По нашему мнению, более соответствует действительности точка зрения исследователей, которые считают, что детское жертвоприношение имело место быть. Доказательством тому служит то обстоятельство, что антропологами обнаружены массовые жертвенные захоронения детей у восточнославянских племен вплоть до XIII в.: поселение-святилище Гремячанское (Пермский край, Осинский район) – археологами выявлено 17 погребений (часть из захоронений была датирована не ранее IV в. до н.э., другая часть – половиной V в., III в. до н.э.); Гляденовское городище-костище (Пермский край и район) – выявлено 1 погребение; Поселение Заосиново I (Пермский край и район) – выявлено 1 погребение; Поселение Заюрчимское I (Пермский край и район) – выявлено 4 погребения, одно из них – коллективное; Зуевключевское I городище (Удмуртская республика, Каракулинский район) – выявлено 6 детских погребений, которые относятся не ранее V-IV вв. до н.э.; Ныргындинское II городище (Удмуртская республика, Каракулинский район) – выявлено 1 детское погребение; Аргыжское городище (Кировская область, Малмыжский район) – выявлено коллективное детское захоронение.

Антропологи установили, что детские захоронения были отнесены к следующим периодам жизни: до 1 года (младенчество) – 17 захоронений (57%); от 1 до 7 лет (раннее детство) – 5 захоронений (17%); 8-11 лет (предподростковый возраст) – 7 захоронений (23%); 12-16 лет (подростковый возраст) – 1 захоронение (3%) [Коренюк, Мельничук, Черных, 2017, 50].

По следам насильственной смерти (раздробленные черепа, раздавленные кости, расчлененные и обожженные тела, отсутствующие конечности), а также расположению поз жертв (валетом, в скрюченном положении, с поджатыми ногами) можно предположить ритуальный характер детоубийства.

Одно из детских погребений Гремячанского поселения могло быть связано с началом плавки меди [Коренюк, Мельничук, Черных, 2017, 144]. В четырёх случаях выявленные в основании здания останки детей в поселениях Заосиновское I и городище Зуевключевское I можно квалифицировать как «строительную жертву», когда при строительстве сооружений в основание строящегося здания «заживо» закладывали человека для надёжности постройки (Байбурин А.К.) [Байбурин, 1979, 155] или как естественную смерть детей и захоронение их в родном доме, для сохранения способности женщин к зачатию.

На одном из холмов около городища Бабина гора (Черкасская область) также обнаружен могильник с захоронением в отдельной могиле младенческих черепов [Рыбаков, 1987, 145]. Захоронения детей от 1 года до 10-14 лет были обнаружены антропологами в сооружениях святилища Звенигород (Тернопольская область). На вершине горы Богит Збручского культового центра (Тернопольская область) выявлено погребение детей (2-2,5 года) и годовалого ребенка [Русанова, Тимошук, 2007, 68]. Погребение относят предположительно к XI–XIII вв.

Сведения о ритуальных убийствах детей известны также из письменных источников. Летописец Нестор в «Повести временных лет» при описании похода Владимира против ятвягов упомянул обычай кидания жребия на «отрака», которого принесли в жертву богу войны. По толковому словарю церковно-славянского и русского языка «Отрок – дитя от 7 до 15 лет» [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847, 126]. Лев Диакон, описывая военные походы князя Святослава, упомянул после успешных военных действий жертвенное убийство младенцев, «топя их в водах Истра». В дальнейшем Кирилл Туровский в своей проведи «Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе» (XII в.) указывал, что с принятием христианства

ритуальные убийства детей прекратились: «Отселе ад уже не принимает в жертву младенцев, закалаемых отцами, и смерть уже не чествуется; ибо прекратилось идолослужение» [Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе, 2024].

В некоторых случаях и дети имели право лишить жизни своих родителей, «обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам» [Карамзин, 1989, 65]. Путешественник Гельмольд фон Босау в своей работе «Хроники христианской миссии» (1167 г.) описывал такой обычай у восточных славян: «престарелых родителей, не способных работать и воевать варили и ели, либо хоронили живыми особенно в голодные годы». По мнению Н.Н. Велецкой, обычай преждевременного умерщвления стариков (геронтоцид) был продиктован «верой в божественную силу предка, в то, что он может защитить от бед и напастей» [Велецкая, 2003, 8]. Умерщвлению подлежали не только старики, но и мужчины при появляющихся признаках старения, «еще крепкие телом, духом и умом» [там же, 56]. Стариков лишали жизни различными способами: вывозили зимой на санях к оврагу, куда их спускали, привязав к лубу; оставляли в поле или в лесу; вывозили на лубе за огороды и «добивали» там довбней, топили [там же, 70].

Надо полагать, что дети не имели своей воли при вступлении в брак, все решалось по воле отца и матери. Так, из «Повести временных лет» следует, что «Поляне брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче» [Повесть временных лет, www].

В дохристианский период нормы об ответственности родителей за деяния, посягающие на интересы детей, отсутствовали. Права и интересы детей не были объектом уголовно-правовой охраны.

После Крещения Руси (988 г.) и распространения христианства брачно-семейные отношения перешли подюрисдикцию церкви. В источниках светского и церковного права стали появляться нормы о посягательствах на интересы несовершеннолетних со стороны родителей.

Родительская власть принадлежала отцу, главе семьи. В некоторых случаях власть отца могла принадлежать другим лицам. Если после смерти отца оставались малолетние дети и мать вступала в новый брак, то опекуном мог стать отчим или один из близких родственников, который должен был их воспитывать (ст. 99 Пространной Русской Правды). Родительская власть также могла принадлежать лицу, усыновившему чужого ребенка путем принятия его в дом или заключившему договор между усыновителем и усыновленным (после принятия христианства процесс усыновления совершался через церковный обряд «сынотворения») [Владимирский-Буданов, 2005, 534].

Иногда родительская власть могла принадлежать и матери. После смерти отца, если мать не выходила замуж, а продолжала проживать вместе с детьми, вся полнота родительской власти переходила к матери (ст. 102 «Пространной Русской Правды»). По данным древнерусских летописей можно сделать вывод, что княгини играли значимую роль в жизни семьи и имели влияние на своих детей. В «Повести временных лет» упоминается, что княгиня Ольга (X в.) запретила сыну Святославу покидать Киев и переселяться княжить в Переяславц. Княгиня Евдокия (XIV в.) разрешала дела по жалобам своих детей князей Иваном Михайловичем и Василием Михайловичем.

Показательно, что на Руси почти до XIV в. держалась традиция давать не «отчества», а «матерства». Отчество по матери присваивали тем детям, чья мать была сильной и властной. Василько Маринич внук Владимира Мономаха имел отчество по имени своей матери Марицы. Дмитрий Марфин носил отчество своей матери Марфы Борецкой. Олег Ярославич Настасьич,

сын князя Ярослава Владимировича Осмомысла, носил отчество по матери Настасьи.

Вместе с тем, согласно «Повести временных лет», муж мог подвергать свою жену телесным наказаниям. По источникам церковного права жена должна повиноваться мужу, быть «послушна..., стараться Богу и мужу угодить..., поскольку жене глава – муж» [Колесов, Рождественская, 2007, 7]. Отсюда можно предположить, что при жизни отца и матери власть могла принадлежать лишь отцу – главе семьи. К матери власть могла перейти только в случае смерти отца.

С принятием христианства была юридически закреплена разница между детьми законнорожденными и незаконнорожденными. Социальное положение ребенка определялось положением его матери. Ребенок, рожденный от свободной женщины, тоже был свободным. Ребенок, родившийся от брака челяди, приравнивался к движимому имуществу, принадлежащему хозяину наравне со скотом (ст. 99 Пространной редакции «Русской Правды»).

Власть родителей над детьми по-прежнему была безграничной. По словам Г.Ф. Шершеневича, «родительская власть представляла «форму права собственности», дети подчинялись «господству отца как рабы» [Шершеневич, 2021, 730]. Подчиненное положение детей родителям прослеживается и через терминологию. Слово «отрок» означало детей в возрасте от 7 до 15 лет, а также рабов, слуг, того, «кто не разговаривает, не имеет права голоса в жизни рода или племени» [Данилевский, 2001, 266].

Родители имели право распоряжаться свободой своих детей: постричь в монастырь, принудительно женить или выдать замуж. При этом средний возраст детей, вступающих в брак по воле родителей, составлял 8-10 лет. В простых семьях родители женили детей с целью получить в семью еще одну рабочую силу. В княжеских семьях детей женили на малолетних невестах из политических соображений, не исключены были браки между братьями и сестрами [Смирнов, 1877, 104, 107]. Святослав Игоревич женился в 10 лет. Иван III был обручен с невестой в 5 лет. Дочь князя Михаила Юрьевича вышла замуж в 3 года. Князь Святополк Изяславич выдал свою дочь замуж в 8 лет. Князь Всеволод Большое Гнездо отдал замуж дочь в 4 года.

Родители также могли продать своих детей в холопство или отдать даром, что упоминается в «Новгородской летописи»: «отец и мати чадо свое въсажаше в лодью даромъ гостьмь, ...даяху свои дети отец и мати дерень гостимъ изъ хлеба» [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950, 22]. В голодные годы родители могли оставить детей в беспомощном состоянии и уйти в монастырь: «Аще ли же кто, нищеты деля, отходить в монастырь, или детей немногий кормити, отбегаетъ ихъ» [Омельяничук, 2010, 10]. «Оставленныя бо (им) дети гладомъ измирають, и зимою босы и наги изнемогають, плачуть люте (горько) и клянуще ся глаголють: почто нась отецъ нашъ и мати родиша, оставиша бо нась в велицей беде» [там же, 10].

Можно предположить, что родители могли отдать детей в рабство. В «Повести временных лет» Нестор описывает битву между Мстиславом и Редедей в XI в., при которой последний говорит: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все. И сказал Мстислав: «Да будет так»» [Повесть временных лет, www]. Таким образом, свобода детей и жен зависела от результата поединка князей. Победивший в поединке забирал жен и детей.

В источниках права Киевской Руси – русско-византийских договорах (907-908, 911 г., 945 г. 971 г.), Русской правде (1054 г.) составы преступлений против несовершеннолетних, нормы об

ответственности родителей за деяния, посягающие на интересы детей отсутствуют. В этих источниках права больше внимания уделялось наследственным и имущественным правам несовершеннолетних. Охране прав и интересов детей внимание уделено не было.

Первое упоминание об ответственности родителей за деяния, посягающие на интересы детей, содержит Устав князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных» (X – XI вв.). Известны семь редакций Устава: Оленинская, Синодальная, Варсонофьевская, Волынская, Печерская, Троицкая, редакция Степенной книги.

Устав устанавливал следующие дела, подсудные церковному суду, в которые князю и боярам запрещалось вмешиваться:

– убийство матерью ребенка: «А се церковнии суди:... или девка дитя повържетъ» (ст. 9 Устава Синодальной редакции, ст. 8 Устава Троицкой редакции). Преступное деяние «девка дитя повържетъ» понимается как «девка дитя родит, бросит, покинет, оставит, избавится от младенца или от плода (аборт)» [Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси, 1984, 161];

– половые отношения в кругу близких родственников и свойственников сына к матери, отца к дочери «в племени или в сватстве поимутся» (ст. 9 Устава Синодальной редакции).

Были также выделены составы о преступных посягательствах детей против родителей: о причинении детьми побоев родителям «иже отца и мать бьют, или сын и дочи бьются» (ст. 9 Устава Оленинской редакции Архангельского извода, ст. 8 Устава Троицкой редакции); об оскорблении детьми родителей «иже отца или мать лаеть или биеть засекуд» (ст. 9 Устава Печерской редакции).

Устав не предусматривал наказание за данные преступные деяния. По Уставу виновные подвергались церковному суду, т.е. конкретный вид наказания определяла церковь.

В Уставе князя Ярослава Владимировича Мудрого «О церковных судах» (XI-XII вв.) была установлена ответственность за следующие преступные деяния, посягающие на интересы несовершеннолетних (Устав имеет шесть редакций, внутри двух старших редакций, Пространной и Краткой, несколько изводов):

– за рождение женщиной, не состоявшей в браке, внебрачного ребенка: «Аще же девка бядеть или дитяти добудеть у отца, у матери или вдовою обличивше, пояти ю в дом церковный» (ст. 5 Пространной редакции Основного извода);

– за убийство замужней женщиной ребенка, рожденного от мужа (законнорожденного ребенка) или не от него (незаконнорожденного ребенка): «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержетъ, или утопить, обличивши, пояти (и) в дом церковный, а чим ю паки род окупить» (ст. 6 Пространной редакции Основного извода). Факультативным признаком объективной стороны состава преступления являлся способ убийства: свиньям скормит, произведёт досрочный искусственный выкидыш, утопит. Необходимо особо выделить, что ответственность за детоубийство (ст. 6 Устава) устанавливалась законодателем впервые. За эти деяния виновная подвергалась наказанию в виде помещения в церковный дом (монастырь), на нее налагалась епитимья (трехлетний пост) до тех пор, пока её не выкупят родители. Исходя из анализа санкции статьи 6 Пространной редакции Устава, детоубийство ребенка, рождённого в браке или вне брака, считалось не преступлением, а грехом. Церковное наказание в виде епитимии выступало как нравственная мера с целью покаяния виновного;

– ответственность родителей за невыдачу дочери замуж: «Аже девка засядеть великих бояр, митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр – гривна золота, а нарочитых людий - 12 гривен, а

простой чади рубль» (ст. 7 Пространной редакции Археографического извода);

– блуд отчима с падчерицей: «кто с падчерицею блудить, митрополиту 12 гривен» (ст. 24 Пространной редакции Основного извода);

– блуд отца с дочерью: «отец с дочерию впадет в блуд, митрополиту 40 гривен, а опитемию примуть по закону» (ст. 28 Пространной редакции Основного извода, ст. 27 Маркеловского извода);

– самоубийство дочери в результате принуждения со стороны родителей насильно выйти замуж: «девка не въсхоцеть замуж, то отец и мати силою дадятъ. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине» (ст. 29 Пространной редакции Основного извода). Аналогичная ответственность родителей следовала в случае самоубийства сына после принудительной женитьбы «Тако и отрокъ» (ст. 43 Пространной редакции Маркеловского извода).

Уставом охране также подлежала телесная неприкосновенность родителей от посягательства со стороны детей: «Аще ли сын биеть отца или мать, да казнять его волостельскою казнию, а митрополиту в дом церковный такий отрокъ» (ст. 43 Пространной редакции Основного извода, ст. 42 Маркеловского извода). За нанесение сыном побоев своим родителем наказание ему определял княжеский волостель, сын также направлялся митрополитом за преступление в монастырь.

В «Псковской судной грамоте» (1397 г.) предусматривалась ответственность сына за отказ содержать своих родителей. В этом случае виновный лишался причитающейся ему доли в наследственном имуществе (ст. 53); а также за убийство сыном отца с виновного взыскивалась пеня в пользу князя (ст. 97).

В источниках церковного права были предусмотрены следующие нормы о посягательствах на интересы несовершеннолетних со стороны родителей.

Согласно 91 правилу Шестого Вселенского Собора, Трулльского (иначе Пято-Шестого Собора), женщины, «дающие «врачевства, производящая недоношение плода во чреве, и приемлющих отравы, плод умерщвляющия», подвергались епитимьи. Таким образом, избавление женщины от плода, искусственные аборты приравнивалось к убийству. Наказание виновной зависело от срока беременности «аще зарод еще – 5 лет епитимии, аще образ есть – 7 лет, аще живое – 15 лет» [Пушкарева, 1996, 309].

Из поучений архиепископа Илии (1165 г.): «Егда жена носит в утробе, не велите ей кланяться на коленях, ни рукой до земли, ни в великий пост: от того бовережаются и измечают младенца» [Памятники древнерусского канонического права, 1908], т.е. ребенок повредится, и женщина потеряет ребенка.

В сборнике церковных епитимий «Заповедь святых отцов» (XI-XVI вв.) упоминается убийство матерью ребенка «аще ли которая жена удавить дитя»; искусственное прерывание беременности, избавление женщины от плода «аще... зелья ради извержеть». В памятнике церковного права «Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц» (1130–1156 г.) предусматривалась ответственность за следующие преступления родителей в отношении детей:

– убийство родителями детей по неосторожности: «А если кладут детей с собой спать и задавят их – это убийство или нет? Если трезвые, то легче, а если спяну – то убийство». Таким образом, совершение убийства ребенка в состоянии опьянения рассматривалось отягчающим вину обстоятельством. Наказание в этом случае следовало как за убийство;

– выкидыш (самопроизвольный аборт) в результате побоев мужем жены: «Если пьяный

человек ринется на свою жену и повредит в ней дитя – половину епитимьи за убийство».

Установление законодателем ответственности за убийство родителями детей привело к тому, что увеличились случаи искусственных абортов, подкидывания матерью своих детей, оставление их у церковных дверей.

В сборнике церковных правил греческом «Номоканоне» предусматривалась ответственность женщин:

- за оставление новорожденного после родов без помощи (правило 70);
- женщин за избавление от плода ребенка (правило 72, 73);
- за оставление детей у городских ворот (правило 74).

Русская Православная церковь вводит меры, направленные на ограничение продажи родителями своих детей. В случае продажи детей или передачи их даром церковь налагала епитимьи.

«Устав белеческий» или «Заповедь святых отец ко исповедающимся сыном и дочерем» (XI в.) устанавливал «110. Аще мати продаст дитя свое, то 8 лет, аще ли не имея продаст, 6 лет, а поклон 200 на день». Имеются в виду два варианта продажи матерью детей: если мать продаст ребенка, имея возможность его прокормить (т.е. не по нужде), то 8 лет епитимьи, и не имея такой возможности продаст, то 6 лет епитимьи.

В вопроснике «Покаянье» (XIV в.) за продажу отцом ребенка также были установлены епитимьи: «[Коренюк, Мельничук, Черных, 2017]. И дитя ци продал еси, имея? – опитемьи 15 лет, аще ли не имея, то 5 лет» [Русанова, Тимошук, 2007]. Аще кто отроча продаст, а имея – епитимии 18 лет, аще не имея 3 лета». Имеется в виду два случая: продажу, если у отца есть какое-либо имущество «аще имея», опитемьи 18 лет, и если у отца уже ничего нет и он продаёт своего ребёнка «аще не имея ничтоже», – опитемьи 5 лет.

Таким образом, продажа родителями детей, вызванная бедностью, влечет более мягкое наказание. Передача детей даром не по нужде наказывалась строже. Нищета рассматривалась как смягчающее вину обстоятельство.

С принятием христианства церковь начала борьбу против многоженства, ограничивая число браков. Согласно главам 23 и 24 «Стоглава» (1551 г.), на лиц, вступающих в брак во второй раз, возлагалась епитимья 1-2 года и запрет на венчание. На лиц, вступающих в брак в третий раз, епитимья – 5 лет. Четвертый брак был полностью воспрещен. Брак заключался только с согласия родителей, у крепостных – с согласия их хозяев. Юридические последствия имел только церковный брак. На борьбу с ранними детскими браками были направлены положения, устанавливающие брачный возраст. Митрополит Киевский и всея Руси Фотий (XV в.) ввел запрет венчать девочек меньше 12 лет. Сборник церковных правил Стоглав (1551 г.) устанавливал возраст для молодых людей – 15 лет, для девушек – 12 лет.

Принятие христианства укрепило роль отца в семье. Мужчина рассматривался как глава семьи, имеющий превосходство над женой и детьми в силу божественного провидения. Подобно священнику в храме, отец подаёт пример служения богу и ведёт ближних к нему. Н.И. Костомаров так описывает детско-родительские отношения в русской семье XVI–XVII вв.: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений..., покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм» [Костомаров, 1860, 109].

Сборник христианских правил, содержащий в себе наставления родителям по воспитанию детей «Домострой» (XVI в.), не только предписывал бить детей «наказывай сына своего в юности...и не жалей, младенца бия», но и описывал, как это нужно делать: «не ослабляй

ударов», «биение жезлом» до «сокрушение ребер», «плетью же в наказании осторожно бить, и разумно и больно», «рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа».

Такая «педагогика сокрушения ребер» нашла свое отражения и в других памятниках церковного права. Симеон Полоцкий давал наставления родителям: «не щадите жезлов ваших», «угощайте детей ваших нравоисправительным биением». В сборнике церковных правил «Стоглав» (1551 г.) в главе 36 «О наказании чад своих» закреплено «юных детей своих наказуйте и учите страху божию».

По сборнику поучений «Измарагд», если дети неповиновались родительской власти, за это следовало «шесть ударов или двенадцать – сыну или дочери». Если провинность со стороны детей была велика, следовало двадцать ударов плетью. «Сыну подобает быть рабом или слугой своему отцу, отца жестокость – сладкое лекарство: чем больше уязвляет, тем больше помогает» (сборник изречений «Пчела»).

Руководствуясь наставлениями церкви, родители использовали жесткие и карательные формы воспитания. Лучшим методом воспитания считались телесные наказания, которые были садистскими, угрожая жизни и здоровью ребенка (детей морили голодом, закрывали в чулан, заковывали в кандалы, пороли, ставили коленями на горюх). Возраст и пол детей значения не имел. Нещадно пороли не только малолетних, совершеннолетних детей, но и двадцатилетних, тридцатилетних. Побои наносили различными предметами: розгами, палками, веревками с узлами и т.д. Отдельно ставили скамейки для порки. В русской избе плетка висела рядом с иконой, а порка проходила в «священном» месте дома под иконой и, как правило, в субботу, так как этот день был рекомендован «Домостроем» и «Христом ...сего человека исцелил в субботу».

Нормы светского и церковного права не устанавливали пределов праву отца в случае злоупотребления родительской властью. Закон не предусматривал положений об ответственности родителей за посягательства на телесную неприкосновенность детей (побои, увечья, истязания).

В Судебнике Ивана III (1497 г.), а также Судебнике Ивана IV Грозного (1550 г.) нормы, направленные на защиту прав и интересов несовершеннолетних детей от преступных посягательств со стороны родителей, отсутствовали.

Вместе с тем в XV-XVI вв. вводятся меры, направленные на ограничение родителями холопства своих детей. Так, по Судебнику Ивана III (1497 г.) дети, живущие с отцом холопом у одного хозяина, считались холопами. Дети, живущие отдельно от отца холопа у другого хозяина или самостоятельно, уже не были холопами (ст. 66).

В XV в. у родителей появилось право отдать себя вместе с несовершеннолетними детьми под заемные деньги в «служилую кабалу». Кабальные холопы-дети вместе с родителями служили кредитору (кабаловладельцу) до погашения задолженности по договору займа.

Статья 76 Судебника Ивана IV Грозного (1550 г.) запрещала родителям холопить своих детей, рожденных на свободе до холопства отца, а также запрещала чернецам (монахам) и черницам (монашкам) холопить детей, рожденных до пострижения. Но дети могли сами запродать себя тому владельцу, кому захотят. Статья 81 Судебника 1550 г. запрещала холопить служилых боярских детей, кроме тех, кого государь отстранил от службы. Ранее возможно было холопить и боярских детей.

Соборное Уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича содержало следующие нормы, касающиеся ответственности родителей за преступные посягательства против детей:

– убийство родителями детей (ст. 3 гл. XXII Уложения): «А будет отец или мати сына или дочь убиет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им

к церкви Божии, и у церкви Божии объявляти тот свой грех всем людем в слух. А смертью отца и матери за сына и за дочь не казнити». Впервые детоубийство стало рассматриваться как преступление, а не как грех. Если ранее виновный в детоубийстве не нес реального наказания, а только подвергался церковному покаянию (епитимье), то теперь за убийство детей родители подвергались наказанию в виде заключения в тюрьму сроком на один год. После отбывания наказания о грехе родителей публично объявлялось в церкви. Из санкции статьи следует, что детоубийство не считалось тяжким преступлением.

– убийство замужней женщиной незаконнорожденного ребенка (ст. 26 гл. XXII Уложения): «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит...и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертью безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися». Впервые была установлена смертная казнь за убийство незаконнорожденного ребенка. Ответственность за убийство ребенка, рожденного «в блуде», была строже, чем за убийство ребенка, рожденного в браке. Такое деяние считалось более общественно опасным преступлением. Наказание носило превентивные меры, направленные на предупреждение новых преступлений: «такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися».

Уложением 1649 г. были введены меры по ограничению прав родителей по продаже детей в холопство. Уложение запретило родителям продавать «холопить» детей, не достигших 15 лет, отдельно от родителей: «а давати служилыя кабалы на холопей, которые будут в пятнатцать лет, а которые будут менши пятинатцати лет, и на тех служилых кабал не давать. А кто служилую кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду» (ст. 20 гл. XX Уложения). При этом сословная принадлежность детей значения не имела. Ранее запрещалось похолопление только детей боярских. Запрет не распространялся на детей, которые шли в кабальное холопство вместе с их родителями.

Уложением 1649 г. было предусмотрено право родителей в голодное время из-за нужды отдавать детей в работу: «А будет кто в голодное время сам себя з женою, или сына, или дочь отдаст кому в работу за прокорм, и запись на себя в том даст, или в записи напишет на себя и на детей своих заемныя денги, и по той записи жити им у того, кому они в работу дадутся до тех мест, покаместа они окупятся, или отработаются» (ст. 43. гл. XX Уложения). Условием работы детей мог быть их прокорм или заранее оплаченный их труд (заемные деньги). Дети освобождались от службы при выкупе их за деньги или отработки в течение определенного срока.

В Уложении в ст. 45 гл. XX также появляется право родителей на отдачу детей в работу без привязки к голодным временам: «А кто отец или мати отдаст кому в работу сына или дочь на урочныя лета, и по тех своих детех ручаются и дадут на себя записи за руками в том, что тем их детем от тех людей, кому они их отдадут, не збежати и никакова дурна не учинить, и в Холопье приказе те записи в книгах будут записаны» (ст. 45 гл. XX Уложения).

Уложение 1649 г. предусматривало достаточно много норм о преступных посягательствах детей против родителей:

– убийство детьми матери или отца: «Будет которой сын или дочь учинит отцу своему или матери смертное убийство, и их за отеческое или за матерне убийство казнити смертью же безо всякия пощады» (ст. 1 гл. XXII Уложения). «А будет который сын или дочь отцу своему или матери смертное убийство учинят с ыными с кем, по сыску тех, которые с ними такое дело учинят, казнити смертью же безо всякия пощады (ст. 2 гл. XXII Уложения). Убийство детьми

родителей наказывалось строже. Дети, убившие своих родителей, наказывались смертной казнью, тогда как родители, убившие детей, – только тюремному заключению сроком на один год (ст. 1 гл. XXII Уложения). Неравность наказаний была обусловлена неравноправным положением детей и родителей. Жизнь родителей ценилась больше, чем ребенка. Закон охранял в первую очередь интересы родителей;

– оскорбление родителей, грубое обращение с ними, побои отца или матери (ст. 4 гл. XXII Уложения): «А будет кто сын или дочь...учнет отцу или матери грубые речи говорить, или отца и мать здерзости рукою зашибет, и в том на них отец или мати учнут бить челом... за отца и мать бити кнутом»;

– отказ детей содержать своих родителей (ст. 5 гл. XXII Уложения): «А будет которой сын или дочь у отца или у матери животы пограбят насильством, или не почитаючи отца и мать, и забываячи их, учнут на них извещать какия злыя дела или...отца и мать при старости не учнет почитать и кормить и ссужать их ничем не учнут и в том на них отец или мать начнут бить челом...таким детям за такие дела чинить жестокое наказание, бить кнутом нещадно и приказывать быти у отца и матери во всяком послушании безо всякого прекословия, а извету их не верить».

Закон наделял родителей правом подавать жалобы на своих детей, в случае неповиновения родительской власти – «бить челом». По поступившей от родителей жалобе без проведения проверки и разбирательства детям назначалось телесное наказание. Доводы детей при рассмотрении жалоб во внимание не принимались: «извету их не верить».

Статьей 6 гл. XXII Уложения детям жаловаться на родителей за жестокое с ними обращение было запрещено: «А будет которой сын или дочь учнут бить челом о суде на отца или на мать и им на отца и на мать ни в чем суда не давати, да их же за такое челобитье бить кнутом, и отдать их отцу и матери». За поданную на родителей жалобу детей били кнутом.

Ярким проявлением деспотической родительской власти, равнодушного отношения родителей к своим детям, поддерживаемое взглядом на детей как на собственность, является появление в XVI-XVII вв. такого пагубного обычая, как «гостеприимный гетеризм». Хозяин дома отдавал гостю на время его пребывания в доме для сожителства свою дочь. Особенно было распространено в Сибири, в Енисейской, Калужской губерниях.

В начале XVIII в. зарождается обычай снохачества – удовлетворение главой семьи своих сексуальных потребностей в форме сожителства с женой своего сына. С этой целью в крестьянских семьях отцы специально женили мальчиков (10, 11, 12 и даже 7 лет) на взрослых невестах (20 лет и старше). Особенно распространено было в Пермской, Тобольской, Харьковской, Вятской, Псковской, Тамбовской, Воронежской, Томской, Енисейской, Калужской губерниях.

Этнограф-беллетрист С.В. Максимов указывал, что «кровосмешению со снохою и со свекром принадлежит первое место; отцу с дочерью – второе; деверю с невесткою и сестре с братом – третье; отчиму с падчерицею и племяннице с дядею – четвертое. Большая часть сопровождается насилием (в особенности кровосмешение отца с дочерью)» [Максимов, 2010, 70].

Нередко жена малолетнего сына рожала детей от главы семьи. Дети, рожденные от отца, считались детьми сына – законного мужа женщины. Последствием снохачества были такие тяжкие преступления, как изнасилование, умышленные убийства детьми родителей, незаконные аборты.

Первым против неограниченной родительской власти выступил Петр I: «хотя чада воли

родительской подлежат, но не как скоты бессловесные» [Духовный регламент Петра I от 25.01.1721 с прибавлением, 2024]. Петр I считал, что «дети освобождаются от обязанности повиноваться родителям против своей совести, особенно в том, что требует собственного их рассуждения и воли» [там же]. С реформами Петра I абсолютная власть родителей над детьми начинает ослабевать. За детьми стали признаваться отдельные права.

Преступные деяния родителей, посягающие на интересы детей, также были предусмотрены в «Артикуле воинском» 1715 г.

По Артикулу 163: «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за протчих мечем наказать. Толкование. Ежели сие убийство учинитца не нарочно, или не в намерении кого умертвить, якобы кто похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет, то правда, что наказание легчее бывает. А ежели умышленное убийство будет, тогда убийца имеет мечем наказан быть».

Наблюдается изменение законодательства в направлении усиления охраны жизни детей. Уравнилась ответственность за убийство родителей и малолетних детей по сравнению с Соборным Уложением 1649 г. Детоубийство наказывалось смертной казнью через колесование, т.е. более строго, чем простое убийство. Состав преступления являлся квалифицированным. При назначении наказания не имел значение статус ребенка (законнорожденный или внебрачный), в этом тоже отличие от Соборного Уложения 1649 г.

Стоит отметить, что фактически Петр I узаконил «родительский произвол», подтвердил право родителей в процессе воспитания использовать в отношении детей телесные наказания. В толковании к арт. 163 было сказано, что если убийство ребенка произошло по неосторожности, в процессе воспитания, то это рассматривалось как смягчающее вину обстоятельство.

Интересным представляется вопрос о применении Артикула воинского 163 и ст. 3 гл. XXII Соборного уложения на практике. Как известно, Артикул воинский регулировал ответственность военнослужащих. Однако по Указу 1716 г. списки Устава воинского были разосланы не только в войска, но и по губерниям и канцеляриям «дабы неведением никто не отговаривался ... оный хотя основанием воинских людей однако же касается и для всех правителей земских». Вместе с тем, имеется ряд доказательств того, что Артикул воинский применялся параллельно с Соборным уложением 1649 г.

Артикулом также предусматривалась ответственность за преступления против половой неприкосновенности отрока, т.е. дитя мужского пола от 7 до 15 лет «ежели кто отрока осквернит...имеют быть наказаны...ежели же насильством то учинено, тогда смертью или вечно на галеру ссылкой наказать» (арт. 166). Отягчающее вину обстоятельством рассматривалось насилие ребенка.

Артикулом Воинским устанавливалась обязанность отца содержать и воспитывать своих детей. Если женщина вступила в связь с мужчиной при его обещании на ней жениться и от такой связи родила ребенка, мужчина обязан жениться на матери ребенка. При отказе мужчины от женитьбы отец ребенка должен был предоставить средства на содержание матери и младенца, рожденного вне брака, а также понести наказание в виде «тюремного заключения и церковного покаяния» (арт. 176).

Нормы права, охраняющие интересы детей и направленные на ограничение родительской власти, содержались и в Указах Петра I:

– был ограничен срок, на который родители могли отдавать в наем своих детей до (5 лет);

- отменено холопство (высочайшей резолюцией на докладные пункты генерала Чернышёва 19.01.1723 г.);
- введены ограничения по продаже детей отдельно от отца или от матери (Указ от 15.04.1721 г.);
- запрещалось отдавать детей в монастырь помимо их воли, когда ранее родители от имени своих малолетних детей давали обеты монашества (Прибавление о правилах Духовного регламента Петра I от 25.01.1721 г.);
- запрещалось принуждать родителями детей и господами рабов к вступлению в брак помимо их воли. К указу прилагался текст присяги, и родители с обеих сторон должны были дать присягу, в которой клялись, что дети вступают в брак по собственному согласию (Указ от 05.01.1724 г.);
- запрещалось заключать договорные браки, писать рядные и уговорные записи с «зарядом» на случай отказа от брака той или другой стороны (Указ от 03.04.1702 г.);
- запрещалось свободным людям жениться на крепостных (Указ от 16.11.1702 г.). Брак был одним из оснований возникновения рабства, правовой статус детей, рожденных в таком браке, вызывал споры;
- была утверждена брачная дееспособность, запрещалось женить неспособных ни к науке, ни к службе (Указ от 06.04.1722 г.);
- запрещалось жениться дворянским отпрыскам, не имеющим хотя бы начального образования (Указ от 1714 г.);
- за шесть недель до брака молодым необходимо было совершить обручение. Данный срок предоставлялся, чтобы жених и невеста могли принять окончательное решение по поводу заключения брака (согласиться или отказаться от его заключения) (Указ от 1704 г.);
- было запрещено венчать «малолетних ребят с возрастными женщинами». Если повенчанными оказывались «отроки ниже 15 лет, а невесты им равнолетные, или мало превосходящие», их необходимо было развести;
- учитывая физиологическое развитие детей был повышен возраст вступления в брак для девушек – 17 лет, для молодых людей – 20 лет, для гардемаринов – 25 лет (Указ от 23.03.1714 г.);
- создавались особые дома для воспитания внебрачных детей (Указ от 16.01.1712 г., Указ от 31.01.1712 г., Указы от 04.11.1714 г. № 2856 и № 2953, Указ от 04.02.1719 г., Указ от 23.10.1723 г.). Данные меры были направлены на предупреждение убийств и сохранение жизни незаконнорожденных «засорных младенцев, матери которых от стыда ради отметывают в разные места». Матери могли принести внебрачных детей в эти дома тайно, с закрытыми лицами, без предъявления каких-либо документов, что не исключало оставление и законнорожденных детей.

Нормотворчество Петра I стало значительным шагом вперед по сравнению с законодательством предыдущих периодов. Можно сказать, что признание за детьми личных прав исходит именно с Петра I. Вместе с тем в эпоху Петра I дети продолжали занимать подчиненное положение по отношению к родителям. В сборнике правил этикета «Юности честное зерцало» (XVIII в.) были даны наставления детям «наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать, «подобно яко слуга».

Суровость при воспитании детей все также оставалась нормой. Система наказаний родителями детей в XVII – начале XVIII вв. строилась на физическом воздействии – пытки, побои, увечья. Родители, как и прежде, имели право подвергать детей телесным наказаниям, приносить в суды жалобы на детей за неповиновение родительской власти. Нормы,

устанавливающие наказание родителям за нанесение телесных повреждений детям, отсутствовали.

В Регламенте главного магистра (16.01.1721) Петр I учредил создать цухтгаузы, или смирительные дома, куда родители могли сажать детей «непотребного жития и невоздержного, яко сыновья, которые родителям своим тякож и учителям явятся не послушны, и от злаго жития не престанут, и ни к чему доброму склонны не будут: подобно ж которые и совершенного возраста впадут в непотребное житие, учнут имение расточать, дома разорять и прочии непотребности чинить» (гл. XX Регламента).

У родителей появилось право без судебного разбирательства лишить детей свободы, заключив их в смирительный дом, «кто на какое время позлымь его поступкамь будет достоинь» [Регламент или Устав Главного Магистрата, 1721, 75].

Надо полагать, в такие «детские тюрьмы» родители могли посадить детей начиная с 7 лет. В толковании к «Артикулу воинскому» 195 указывалось, что «наказание воровства обыкновенно умаляется, или весьма отставляется, ежели... кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец» (арт. 195). При этом толкования, какая категория несовершеннолетних относится к понятию «младенец», в артикуле отсутствует. Вместе с тем, согласно христианскому вероучению, всякое преступление есть грех. По правилам Русской Православной церкви (Законов градских включенных в списки Кормчей книги, в состав Никоновской печатной Кормчей 1653 г.), ее члены должны прибегать к исповеди, начиная с 7 лет. Считается, что с этого возраста дети могут отвечать за свои греховные поступки. Минимальный возраст уголовной ответственности – 7 лет – упоминается также в ст. 108 Новоуказных статей «О татевных, разбойных и убийственных делах» от 22.01.1669 г., представляющих собой дополнения к главе XXI Соборного Уложения «аще седми лет отрок или бесный уьет кого, неповинен есть смерти».

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать ряд выводов:

Законодательство в области защиты прав и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны родителей развивалось постепенно, на протяжении многих веков.

В период язычества и раннего христианства (VI–XI вв.) ребенок не рассматривался как личность. Жизнь ребенка не ценилась. Представления о правах ребенка и их защите отсутствовали. С принятием и распространением христианства (IX–XV вв.) положение детей улучшилось. Ребенок стал рассматриваться как часть домохозяйства, основанного на родительской власти. В источниках светского и церковного права появились нормы, охраняющие интересы детей от преступных посягательств со стороны родителей. Вводятся меры по ограничению родительской власти. Права и интересы детей становятся объектом уголовно-правовой охраны. Происходит дифференциация ответственности, определяется круг преступлений, субъектами которых выступают родители. С начала XVIII в. родительская власть начинает ослабевать. За детьми признаются отдельные права.

В целом, можно сказать, что в период с язычества и до начала XVIII в. права и интересы детей не были обеспечены правовыми средствами охраны со стороны государства. Охране прав и интересов детей должного внимания не уделялось. Право было подчинено принципу патриархальности. Дети были бесправны и полностью зависели от своих родителей. Превалировал интерес родителей, ответственных за воспитание и содержание своих детей над

интересами детей. Характерно установление ответственности детей за посягательства на интересы родителей. Не были определены пределы и границы родительской власти, что вело к ее злоупотреблению. Отсутствовало законодательное закрепление прав и интересов ребенка, а также морально-нравственные запреты в виде недопущения в отношении детей грубости, пренебрежения, жестокости, унижающего человеческого достоинства обращения. Вместе с тем отношение родителей к своим детям зависит не только от политической, социально-экономической системы, ценностных ориентаций общества, но и от политики государства по отношению к детям. В начале XVIII в. законодательство нуждалось в системе уголовно-правовых норм, направленных на защиту детей от преступных посягательств со стороны родителей, а также определяющих способы и пределы вмешательства государства в процесс реализации родительской власти.

Библиография

1. Байбурин А.К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1979. С. 155.
2. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: 2003. 237 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
4. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX - XII вв.). М., 2001. 398 с.
5. Духовный регламент Петра I от 25.01.1721 с прибавлением // Монастырский хронограф. 2024. URL: https://www.monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl.
6. Живов В.М. Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. 430 с.
7. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. 554 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М.: Наука, 1989. 612 с.
9. Колесов В.В., Рождественская В.В. Домострой. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. 399 с.
10. Коренько С.Н., Мельничук А.Ф., Черных Е.М. Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях Нижнего и Среднего Прикамья (конец VI - III вв. до н. э.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 143-164.
11. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1860. 214 с.
12. Кузьмин А.К. Крещение Руси. М.: Алгоритм, 2004. 416 с.
13. Максимов М.В. Сибирь и каторга: части II – IV // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 640 с.
14. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857. 444 с.
15. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Академия наук СССР, 1950. 561 с.
16. Омелянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX - XIII веков. Владимир: Владимирский государственный университет, 2010. 188 с.
17. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.
18. Повесть временных лет // Азбука веры. 2024. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-v-pravoslavii-tserkovnoe-pravo-i-rossijskaja-praktika/4>.
19. Полное Собрание законов Российской империи с 1649 года, том 4, 1720-1722. Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 892 с.
20. Пушкирева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X - XVII вв.) // Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.
21. Регламент или Устав Главного Магистрата. 1721. Января 16 // Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 3708. С. 291-305.
22. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984. 430 с.
23. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян // Азбука веры. 2024. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/religiovedenie/jazycheskie-svjatilishha-drevnih-slavjan>.
24. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога. 2007. 303 с.
25. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
26. Словарь церковно-славянского и русского языка. Том 3. СПб.: Типография Императорской Академии Наук,

1847. 890 с.

27. Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе // Азбука веры. 2024. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/slovo_na_antipashu/#source.
28. Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. 259 с.
29. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2021. 836 с.

Parental power and responsibility for parental crimes in domestic criminal law in the period from pagan to the beginning of the 18th century

Yuliya S. Elovikova

Postgraduate Student of the Department of criminal law disciplines,
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov,
428015, 15 Moskovskii ave., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: Yulia_Elovikova@mail.ru

Abstract

The article examines the forms and methods of exercising parental power, as well as legislation on the criminal liability of parents for encroachments on the interests of children, starting from paganism and before the beginning of the formation of the Russian Empire (XVIII century). The study of this issue seems relevant, because to understand the origins of a socially dangerous act, reveal its characteristics, and determine the effectiveness of criminal law regulation measures, it should be studied from a historical perspective. This issue was addressed in the works of A.A. Alekseeva, A.M. Nechaeva, L.Yu. Golysheva and other researchers. However, in these works, in our opinion, the issue of the forms and methods of exercising parental authority in connection with the issue of parental responsibility for criminal attacks on the interests of children is not addressed. The study revealed the features of the legal regulation of parental responsibility for criminal acts against children. As a result of the study, the author comes to the conclusion that by the beginning of the 18th century, the rights and interests of children were not sufficiently ensured by legal means of protection by the state. There were no rules defining the limits of the exercise of parental authority and aimed at protecting children from criminal attacks by their parents. When writing the article, historical-legal, comparative, and dialectical research methods were used.

For citation

Elovikova Yu.S. (2024) Roditel'skaya vlast' i otvetstvennost' za roditel'skie prestupleniya v otechestvennom ugovnom prave v period s yazychestva do nachala XVIII v. [Parental power and responsibility for parental crimes in domestic criminal law in the period from pagan to the beginning of the 18th century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 500-517. DOI: 10.34670/AR.2024.86.90.053

Keywords

Parents, children, parental authority, corporal punishment, parental responsibility.

References

1. Baiburin A.K. (1979) Stroitel'naya zhertva» i svyazannye s neyu ritual'nye simvolyy u vostochnykh slavyan [Construction sacrifice" and the ritual symbols associated with it among the Eastern Slavs]. *Problemy slavyanskoi etnografii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR D.K. Zelenina)* [Problems of Slavic ethnography (on the 100th anniversary of the birth of corresponding member of the USSR Academy of Sciences D.K. Zelenin)]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, p. 155.
 2. Danilevskii I.N. (2001) *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX - XII vv.)* [Ancient Rus' through the eyes of contemporaries and descendants (IX - XII centuries)]. Moscow.
 3. Dukhovnyi reglament Petra I ot 25.01.1721 s pribavleniem [Spiritual regulations of Peter I dated January 25, 1721 with an addition] (2024). *Monastyrskii khronograf* [Monastic chronograph]. Available at: https://www.monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl [Accessed 12/02/2024].
 4. Karamzin N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. T. 1* [History of Russian Government. Vol. 1]. Moscow: Nauka Publ.
 5. Kolesov V.V., Rozhdestvenskaya V.V. (2007) *Domostroi* [Domostroy], 3rd ed. Saint Petersburg: Nauka Publ.
 6. Korenyuk S.N., Mel'nichuk A.F., Chernykh E.M. (2017) Chelovecheskie zhertvoprinosheniya na anan'inskikh poseleniyakh Nizhnego i Srednego Prikam'ya (konets VI - III vv. do n. e.) [Human sacrifices at the Ananyin settlements of the Lower and Middle Kama region (late VI - III centuries BC)]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], 4, pp. 143-164.
 7. Kostomarov N.I. (1860) *Ocherk domashnei zhizni i nraov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay on the home life and morals of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries]. Saint Petersburg: Tipografiya Karla Vul'fa Publ.
 8. Kuz'min A.K. (2004) *Kreshchenie Rusi* [Baptism of Rus']. Moscow: Algoritm Publ.
 9. Maksimov M.V. (2010) Sibir' i katorga: chasti II – IV [Siberia and hard labor: parts II – IV]. In: *Sobranie sochineniĭ: v 7 t. T. 2* [Collected works: in 7 volumes. Vol. 2]. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek, 640 s.
 10. Nevolin K.A. (1857) *Polnoe sobranie sochineniĭ. T. 3. Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Ch. 1. Vvedenie i kniga pervaya o soyuzakh semeistvennykh* [Full composition of writings. Vol. 3. History of Russian civil laws. Part 1. Introduction and book one about family unions]. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa Publ.
 11. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvodov* [Novgorod first chronicle of the older and younger editions] (1950). Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
 12. Omel'yanchuk S.V. (2010) *Brak i sem'ya v Drevnei Rusi IX - XIII vekov* [Marriage and family in Ancient Rus' of the 9th - 13th centuries]. Vladimir: Vladimir State University.
 13. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1* [Monuments of Old Russian canon law. Part 1]. (1908) Saint Petersburg.
 14. *Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda, tom 4, 1720-1722* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649, volume 4, 1720-1722] (1830). Printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
 15. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. *Azbuka very* [ABC of Faith]. 2024. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-v-pravoslavii-tserkovnoe-pravo-i-rossijskaja-praktika/4> [Accessed 12/02/2024].
 16. Pushkareva N.L. (1996) Mat' i materinstvo na Rusi (X - XVII vv.) [Mother and motherhood in Rus' (X - XVII centuries)]. *Chelovek v krugu sem'i: ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Man in the family circle: essays on the history of private life in Europe before the beginning of modern times]. Moscow.
 17. Reglament ili Ustav Glavnogo Magistrata. 1721. Yanvary 16 [Regulations or Charter of the Chief Magistrate. 1721. January 16]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 6 (3708), pp. 291-305.
 18. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vv. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. T. 1* [Russian legislation of the 10th-20th centuries. Legislation of Ancient Rus'. Vol. 1] (1984). Moscow.
 19. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. (2024) Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan [Pagan sanctuaries of the ancient Slavs]. *Azbuka very* [ABC of Faith]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/religiovedenie/jazycheskie-svyatilishha-drevnih-slavyan>.
 20. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. (2007) *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan sanctuaries of the ancient Slavs]. Moscow: Ladoga Publ.
 21. Rybakov B.A. (1987) *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Rus']. Moscow: Nauka Publ.
 22. Shershenevich G.F. (2021) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]. Moscow: Statut Publ.
 23. *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka. Tom 3* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages. Volume 3] (1847). Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences.
-

-
24. Slovo na antipaskhu ili v novuyu nedelyu po Paskhe [A word on anti-Easter or on the new week of Easter] (2024). *Azbuka very* [ABC of Faith]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/slovo_na_antipashu/#source.
 25. Smirnov A.G. (1877) *Ocherki semeinykh otnoshenii po obychnomu pravu russkogo Naroda* [Essays on family relations according to the customary law of the Russian people]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) Publ.
 26. Veletskaya N.N. (2003) *Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov* [Pagan symbolism of Slavic archaic rituals]. Moscow.
 27. Vladimirkii-Budanov M.F. (2005) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
 28. Zagorovskii A.I. (1909) *Kurs semeinogo prava* [Family law course]. Odessa.
 29. Zhivov V.M. (2009) *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannegonovogo vremeni* [Essays on the historical semantics of the Russian language in early modern times]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur